

ИСТОРИЯ

КОНЦЕПЦИЯ ОБЪЕКТИВНО-РЕАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

**Т.П. ЛОЛАЕВ,
доктор философских наук,
главный научный сотрудник СОИГСИ**

В процессе исследования проблемы исторического времени закономерно возникают вопросы о правомерности при анализе временных отношений общества переносить на них методы и средства физики, биологии и других естественных наук, об отношении исторического времени к социальной материи, к другим временным формам материального и духовного мира.

По мнению В.А. Тишкова, сказанное обусловлено следующими обстоятельствами: «Феномен времени всеохватывающе и многолико входит в повседневную жизнь и составляет одну из основ самого человеческого существования,

ибо последнее может осуществляться только во времени и пространстве. С одной стороны, время — это необсуждаемая данность, своего рода абсолютная сущность, но, с другой стороны, время воспринимается и концептуализируется в зависимости от культурного контекста, исторического периода, возраста, пола, социального положения индивида. Кроме этого, можно различить восприятия времени на уровне отдельного человека, семьи и рода, культурных и политических общностей. Другими словами, значение и ценности, приписываемые времени, имеют фундаментально контекстуальный ха-

ракти. Этим мы отличаем культурное время (*tempus*), которое субъективно и персонально-социально, от своего рода абсолютного (или природно-космического) времени (*chronos*)» (1, с. 34).

Приступая к рассмотрению указанных вопросов, касающихся проблемы исторического времени, заметим, что оно будет вестись с позиции разработанной нами функциональной концепции времени (2). С точки зрения функциональной концепции времени физическое, биологическое, историческое и любое другое объективно-реальное время образуется в результате последовательной смены качественно новых состояний физических, биологических, исторических или любых других реальных процессов. При этом, для правильного понимания природы времени следует иметь в виду, что время связано не с механическим движением, движением как простым перемещением, а лишь с движением, изменениями, в результате которых происходит становление, то есть возникает нечто «другое», нечто новое, нечто, не существующее ранее, становится существующим. Из сказанного следует также, что и в природе, и в обществе каждый конкретный процесс образует свое собственное время.

Согласно функциональной концепции времени, историческое время образуют не последовательно сменяющиеся дни, годы или столетия (дни и годы, как и часы, минуты, секунды являются единицами постулированного, условного времени), а конкретные события, исторические процессы, в результате последовательной смены состояний которых в обществе происходят качественные изменения.

В этой связи следует согласиться с В.Н. Ярской, которая пишет: «Основ-

ным на социально-философском уровне исследования становится не хронологическое, а формационное время, выражающее последовательный переход одного состояния общественного организма в другое (3, с. 98).

В хронологическом времени исторические события располагаются в той последовательности, в какой они происходят в реальной действительности, но без учета качественных изменений, происшедших в общественном организме. Хронологическое время является лишь придуманной человеком для удобства схемой, на которой события располагаются в той последовательности, в которой они происходили в объективно-реальном, по моей терминологии, — функциональном времени.

Как справедливо замечает В.П. Яковлев: «Двадцатый и тысяча девятьсот восьмидесятый в хронологическом смысле суть просто числительные, хотя и выбранные произвольно для обозначения века и года, в соответствии с порядком в натуральном ряду чисел (4, с. 114). Следует согласиться и с тем, что хронологические часы ничего не говорят и не могут сказать нам о содержании происходивших или происходящих в человеческом мире событий и процессов (5, с. 108).

Тот же автор пишет: «Время истории не сводимо к хронологии, как не сводимо к количественным мерам вообще. Ибо другая его, не менее важная и существенная сторона — выражение качественных перемен, т. е. новизны, в развитии социальных процессов. Поскольку же такие явления, как образование, формирование нового типа общественных отношений, новых формаций, классов, социальных структур происходит постепенно, охватывая

собой целые века (а в древнейшем обществе и целые тысячелетия), то они вообще не поддаются точной и определенной датировке, и ни один историк даже не ставит перед собой такой задачи» (6, с. 109).

Время истории действительно не сводимо к хронологии. Верно и то, что качественно новые перемены в жизни общества происходят постепенно. Однако при этом следует иметь в виду, что новое качество, независимо от того, сколько времени требуется для его формирования, зарождается в обществе в виде потенций. И эти потенции начинают образовывать свое собственное время. Иными словами, предшествующее качество еще в целом сохраняется, а новые потенции в нем уже функционируют. Указанные потенции, оставаясь до определенной поры органической частью предыдущей социальной структуры, становятся причиной возникновения социальной структуры, имеющей качественно новые характеристики. «Пережитки» предыдущей социальной структуры, в свою очередь, длительное время могут сохраняться в новой структуре, но уже не определяют содержание и характер последней.

В.Н. Ярская справедливо замечает: «Историческое время не сводится к смене поколений. Счет поколений, династий издавна был простейшим примером хронографии, он давал чисто количественную структуру исторического времени (длительность эпох и событий), а не качественную сторону» (7, с. 96). Тем не менее В.П. Яковлев пишет: «В человеческом измерении, т.е. в измерении поколениями человеческой жизни, историческое время можно мысленно представить как цепь следующих

друг за другом поколений, каждое из которых — звено в такой цепи» (8, с. 109). В этой связи заметим, что объективно-реальное, по нашей терминологии, функциональное историческое, время образуется не в результате последовательной смены поколений, а благодаря их жизнедеятельности. Исторические периоды соотносятся не поколениями — они начинаются и заканчиваются не с ними, а с последовательно сменяющимися качественно новыми состояниями общества как единого целого. Историческое время неправомерно представлять как цепь следующих друг за другом поколений, так как в результате последней образуется биологическое время, поскольку человек, являющийся составной частью любого поколения, помимо всего прочего, является биологическим видом.

Здесь следует заметить также, что под связью времен, применительно к историческому времени, следует понимать связь не между последовательно сменяющимися поколениями как таковыми, а каузальную, причинную связь между последовательно сменяющимися качественно новыми историческими событиями.

С точки зрения А.М. Жарова, социальное, историческое время, выступая формой общественного бытия, зависит от темпов общественного развития, в связи с чем дальнейшие возможности для осознания связи времени и реальных исторических событий подготавливаются в концепции становления (9, с. 17).

В этой связи заметим, во-первых, что социальное время является не формой общественного бытия, а функцией конкретных социальных, исторических процессов.

Во-вторых, от темпов общественного развития зависит не скорость

его протекания, а только ритм последовательно сменяющихся исторических событий. Время, поскольку оно несубстанционально и не является ни веществом, ни полем, ни особой временной субстанцией, а потому замедляться или ускоряться не может. В-третьих, время действительно связано со становлением, поскольку, не будучи субстанциональной реальностью, для того, чтобы существовать, должно возникать, длиться и заканчиваться с реальными процессами, в нашем случае — с историческими процессами.

О связи времени с конкретными историческими событиями, процессами, то есть с качественными изменениями, свидетельствует следующее высказывание В.А. Тишкова:

«Современное (наше) время сложнее, чем мы обычно его представляем. Оно не только о том, «когда» по часам и календарю, но и включает момент «своевременности», т.е. «правильного» или подходящего времени. Многие «когда» решаются, не только глядя на день недели или время дня, но и учитываются другие факторы. Например, когда лучше провести конгресс, когда осуществить подъем цен или какую-то реформу, когда провести выборы, когда предпринять те или иные действия. Даже правильное время определения военных кампаний может зависеть не только от природных факторов (до или после «зеленки»), но и от фактора крупных политических кампаний или крупных бизнес-проектов. «Правильное» время или своевременность, устанавливается с учетом социоисторического и политического контекста» (10, с. 35).

Современное (наше) время потому сложнее, чем мы обычно его представляем в связи с тем, что оно является

постулированным, условным, придуманным человеком. Не случайно даже выдающиеся мыслители считали, что время вообще умонепостигаемо. Так, великий русский философ В.С. Соловьев, в статье «Время» (Энциклопедический словарь издателей Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона) писал, что «время не допускает рационального определения его сущности». И, по мнению американского ученого Липпинкота: «Перед тайной времени все — способности разума, формулы логики, методы науки, — все делается бессильным. Время есть нечто, что недоступно познанию... Все мыслители всех веков не смогли понять эту великую тайну — время. Не имеется реального решения этой проблемы» (11. с. 39, 40).

Тем не менее, политики, военачальники и крупные бизнесмены (и не только они) в своей повседневной деятельности интуитивно пытаются учитывать не только день недели или время дня, но и другие факторы. И это справедливо, поскольку объективно-реальное, функциональное время связано с любыми реальными процессами, в том числе и с конкретными социальными и историческими процессами, а потому учет социально-исторического и политического контекста совершенно необходим. Однако адекватный учет указанных факторов возможен лишь при условии знания природы объективно-реального, функционального времени. Факторами «правильного», точнее функционального времени можно и следует пользоваться сознательно. Новое восприятие понятия времени и его использование в своей деятельности позволят не только политикам, военачальникам, крупным бизнесменам, но и другим категориям людей более эффективно решать встающие перед ними задачи.

Естественно, функциональное историческое время отличается от других функциональных времен, образуемых в неживой и живой природе. И, прежде всего, тем, что, с точки зрения человека, оно приобретает социальный смысл. Например, природо совершенно безразлично, между какими странами и народами ведется война, каков ее характер, каковы будут итоги этой войны. Социальный смысл во время, образуемое тем или иным событием, вкладывают мыслящие существа, люди. Причем этот смысл может быть разным в зависимости от того, какую сторону, какие социальные слои представляет тот или иной субъект. Именно в связи со сказанным автор считает правомерным называть историческое время также социальным, хотя понятие «социальное время» многоаспектно и включает в себя не только историческое время.

Вместе с тем ни в природе, ни в обществе не существует времен, которые имели бы какие-то свои собственные качественные различия, связанные с тем, что они образованы разными по своей природе процессами. Обусловлено сказанное тем, что время не является субстанциональной реальностью, веществом или полем, а потому не может иметь своих собственных качеств, свойств. Физическое, биологическое, историческое, психологическое и др. времена не имеют какие-либо свои собственные отличительные качества, поскольку время как таковое, как независимый феномен не существует. Все объективно-реальные, функциональные времена лишь отражают свойства образующих их процессов, тем не менее, например, историческое время человек наделяет множеством «свойств», которые безразличны природе, но не

обществу, не членам данного общества. В качестве примера можно назвать любое историческое событие, явление, процесс. В самом общем плане основой социального, исторического времени считают человеческую деятельность. Однако человек в единственном числе не образует социального, исторического времени. Социальное время образуют группы людей разного уровня организации, объединенные по признаку родства, производственному или этническому признаку, являющиеся членами соответствующих политико-экономических образований.

Социальное, историческое время образуется реальными социальными, историческими процессами, подчиняющимися объективным законам общественного развития. Временные отношения в обществе, как и в природе, складываются объективно (хотя и на базе той деятельности, которая осуществляется людьми), а их специфические свойства (точнее, специфические свойства образующих их процессов) могут быть отражены лишь в сознании человека. Не случайно на одно и то же социальное, историческое явление люди могут иметь различные точки зрения — вплоть до диаметрально противоположных.

Сами процессам, образующим социальное, историческое время, безразлично, живут люди в этом обществе богато или бедно, сражаются или занимаются мирным трудом, являются высоко- или малообразованными, здоровыми или больными. Все это волнует лишь самих людей, членов данного общества, и все это только в их сознании. И если сами социальные процессы управляются объективными законами, то восприятие их субъективно. Не со-

циальное время как таковое (оно само по себе не существует) побуждает членов общества к серьезным социальным действиям, а социальные условия, сложившиеся в обществе.

В этой связи следует подчеркнуть, что управлять непосредственно временными отношениями не представляется возможным в силу их несубстанциональности. Поэтому, для того чтобы использовать «максимально рациональным образом» пространственно-временные параметры, необходимо эффективно организовать само управление содержательными процессами человеческой деятельности. Но для этого следует исследовать функциональное историческое время, адекватно отражающее свойства социальных процессов.

Именно сами исторические процессы, образующие время, требуют к себе внимания, заставляют учитывать происходящие в обществе изменения, предвидеть возможные последствия поведения человека в каждом акте его деятельности. Историческое время специфически отражает эти изменения, но не меняет их характера. Со временем, естественно, меняется характер любых процессов, но не потому, что на них воздействует время как таковое, само по себе, а под действием потенциальных возможностей, которыми они обладают и их взаимодействия с окружающей средой.

Таким образом, время зависит от процессов, оно является функцией процессов, а не наоборот. В этой связи нельзя научиться эффективно управлять социальными процессами, не зная природы исторического времени, не исследуя исторические процессы с учетом их природы.

Исторические, социальные (как и любые другие) процессы, с момента своего возникновения и до их прекращения, образуют свои собственные настоящие времена. В этой связи так называемые прошлое и будущее времена статуса реальности не имеют. С нашей точки зрения, можно вести речь лишь о модусах субъективного временного ряда, поскольку объективно-реальное, функциональное время, образуемое историческими событиями, процессами, которые уже возникли, но еще не прекратили своего существования, бывает всегда настоящим и поэтому модусов прошлого и будущего при строгом подходе не имеет.

Историческое прошлое, например, сохраняется только в социальной памяти людей. Лишь сами люди могут сохранить культуру, которая была достоянием их предков. Только они могут концентрировать опыт предшествующих поколений. Однако по указанным выше причинам человеческая деятельность не может быть ориентирована на прошлое. В этой связи следует согласиться с точкой зрения, согласно которой прошлое невозможно изменить деятельностью в настоящем, изменяется лишь оценка прошлого. Прошлое, точнее, реально существовавшие в свое время события, но уже исчезнувшие как таковые, могут сохраняться только в памяти людей, а возможные будущие события можно прогнозировать лишь в воображении. Эти события возникнут не из несуществующего будущего времени, а из событий, существующих в своем собственном настоящем времени. В обществе, как и в природе возможен лишь переход от настоящего к последующему настоящему.

Другое дело, что «ценностный характер исторического времени несомненен. История представляет собой оценку прошлого, современного и будущего человеческого общества, без этой оценки социальная ориентация времени была бы невозможной» (12, с. 97).

В этой связи многовекторным и системным, полифоничным может быть только концептуальное время (являющееся установленным, условным, придуманным человеком), а не объективно-реальное, функциональное социально-историческое время, образуемое в результате деятельности людей, пользующихся орудиями труда и войны.

Известно, «представители школы «Анналов», и прежде всего Ф. Бродель, предпринимали попытки «несобытийного» структурирования исторического времени, в основе которого лежала классификация исторических процессов. Акцент на структуры подразумевал упорядоченность причинных факторов и постулировал, что репрезентация событий подчиняется ментальным и идеологическим конструкциям, в основе которых лежат экономические функции, социальные иерархии или другие элементы структуры, а не временная последовательность» (14, с. 157).

Такого рода попытки едва ли стоят одобрения, поскольку из сказанного выше следует, что неправомерно располагать события как точки на оси исторического времени. События порождают время, а не наоборот.

В этой связи можно согласиться со следующим мнением: «Надо сказать, что периодизация истории на основе структурных характеристик все равно имеет связь с событием, поскольку вы-

бор исторического периода формирует последующий отбор и интерпретацию событий. В рамках структурного подхода объектом исследования может быть период времени, наполненный определенным содержанием» (13, с. 158).

В связи со сказанным выше представляет определенный интерес и мнение К. Леви-Стросса: «Не только иллюзорно, но и противоречиво мыслить историческое становление как непрерывное развертывание, начатое с доистории, закодированной десятками или сотнями тысячелетий, развивающейся в шкалу из тысяч, начиная с четвертого или третьего, а затем продолжаясь в виде секулярной истории, нашпигованной по прихоти каждого автора ломтями годичной истории в рамках столетия или по дням в рамках года, если даже не по часам в течение дня. Все эти даты не образуют одного ряда: они принадлежат различным видам... События, которые являются значащими по одному (временному) коду, не остаются таковыми по другому. Закодированные в системе доистории, наиболее известные события новой и современной истории перестают быть существенными; за исключением, возможно (и опять-таки мы об этом ничего не знаем), некоторых мощных аспектов демографической эволюции, осуществляемой в глобальных масштабах, открытия парового двигателя, электричества и ядерной энергии» (15, с. 319).

Дело в том, что сказанное К. Леви-Строссом свидетельствует о том, что, как справедливо констатируют И.М. Савельева и А.В. Полетаев: «Наряду с наглядным представлением о точках-событиях на оси времени, у историков существует представление

о некоем «историческом континууме» прошлом, настоящем, а затем будущем, в котором события вступают между собой в отношения последовательности, причинности и взаимозависимости и по воле историка образуют самые разнообразные структуры и комбинации» (16, с. 159).

Таким образом, событие — явление общественной жизни, как и любое другое изменение, происходящее в ней. В любом обществе имеет место последовательная смена его качественно новых состояний. И такая последовательная смена состояний общественной жизни необходимо образует историческое время.

В связи со сказанным, следует признать справедливым мнение В.Н. Ярской, согласно которому «... историческое время осознается сознанием, которое социально по своей природе и отражает историческое настоящее. История включает в себя оценку прошлого с позиций настоящего и оценку современности, без которой социальная ориентация исторического времени была бы невозможной» (17, с. 96). И с нашей точки зрения, без указанного подхода к восприятию исторического времени эволюция человеческого общества невозможна, или, в лучшем смысле, она будет растянута на значительно более длительный срок. Если в каком-то конкретном обществе оценка прошлого искажена, деформирована, деформируется и само общество (наподобие того, как это происходит с изображением в кривом зеркале), а это чревато весьма негативными последствиями.

С.А. Арутюнов пишет, что «... время само показало исчерпаемость прямолинейно-плоскостного представления об эволюции как о подъеме по прямой.

Но, отказавшись от восходящей прямой, мы часто приходим к повторению пройденного, к циклическому кружению во времени, от настоящего к прошлому, а не к будущему. Наша задача — и не только в этнографии — выпутаться из силков этих петель времени и превратить их в спираль восхождения на новые уровни» (18, с. 11).

Время потому показало исчерпаемость прямолинейно-плоскостного представления об эволюции как о подъеме по прямой, что оно постулировано, условно. По указанной причине и использование понятия циклического времени не решило задачу превращения петель времени в спираль восхождения на новые уровни. Указанную задачу решает лишь понятие функционального времени, согласно которому время течет от настоящего к последующему настоящему, поскольку образуется последовательно сменяющимися качественно новыми состояниями как конкретного материального, так и конкретного исторического или социального процесса.

Объективно-реальное, функциональное время образуется любыми реальными процессами независимо от того, какие это процессы — процессы развития или регресса. Независимо от характера процесса образуется функциональное время.

Принято считать, что общество есть взаимодействие составляющих его отдельных жизней. Однако из сказанного, на наш взгляд, не следует, что «социальное время представляет собой совокупное, или суммарное, время существования и деятельности всех членов общества, вступающих в процессе деятельности в разного рода отношения и образующих различные группы

— от семьи или малой группы до общественных классов, совокупности людей определенной общественно-экономической формации» (19, с. 10).

По поводу приведенного суждения заметим, что несубстанциональное время не может представлять собой совокупного или суммарного времени. Социальное время не состоит, не может состоять из чего-либо. Оно образуется и существует с момента возникновения и до прекращения социальных процессов, происходящих в результате деятельности конкретных социальных групп, к которым можно отнести и семью, и общественный класс, и весь социальный организм, и даже совокупность людей определенной общественно-экономической формации. Но при этом, каждая социальная группа будет образовывать свое собственное социальное время, а не совокупное или суммарное время.

Историческое, социальное время, которое по причине своей несубстанциональности не существует как самостоятельный феномен, не может ни замедляться, ни ускоряться. Замедляться или ускоряться могут лишь сами социальные, исторические и другие процессы, но не время, ими образуемое. Время может замедляться или ускоряться лишь в сознании человека.

По аналогии и в обществе: для того, чтобы ускорить позитивные социальные, исторические процессы, не надо пытаться воздействовать непосредственно на несубстанциональное время, поскольку это принципиально невозможно. Другое дело, что понимание природы социального времени может оказать нам неоценимую помощь, поскольку только благодаря этому пониманию мы можем обнаружить новые

закономерности общественного развития и научиться их использовать. Социальное, историческое время и пространство образуются реальными социальными, историческими процессами, подчиняющимися объективным законам общественного развития.

В этой связи нельзя не согласиться с профессором МГУ И.А. Гобозовым, когда он подчеркивает: «Исследование времени дает возможность раскрыть закономерности развития общества, проследить его этапы становления и формирования, что, в свою очередь помогает дать научную периодизацию всего исторического процесса. Так, деление истории, проведенное Вико, Кондорсе, Гегелем, Марксом, Тойнби и другими мыслителями, на эпохи, формации, цивилизации — есть не что иное, как деление исторического времени на определенные отрезки, в рамках которых происходят качественные изменения социума, приводящие к другому отрезку времени, т. е. к другой стадии его развития. Формация, например, проходит определенные этапы развития, необходимые для проявления их возможностей. Она имеет свой возраст и в пределах этого возраста (времени) автономна, т.е. развивается на базе собственных законов» (20, с. 88).

Не случайно, к примеру, одна и та же формация в разных странах возникает в разное время. В одних странах капиталистическая эпоха началась раньше, а в некоторых до наших дней существует феодальный строй. Изучив обстоятельно, опираясь на указанные связи, содержание какого-то важного исторического явления, можно прогнозировать будущие результаты использования содержащегося в нем человеческого опыта, естественно, с уче-

том современных условий, в которые предполагается перенести этот опыт. При этом важнейшей задачей историка является исследование не только позитивных исторических событий и явлений, но и причин разного рода «аномалий» в плане как историческом, так и временном. Комплексный подход к изучению исторических процессов и исторического времени как отражения свойств первых, умелое использование полученных результатов могут позволить эффективно решать многие из сегодняшних проблем. В этой связи следует согласиться с тем, что «для процесса постижения социально-исторического времени чрезвычайно важную роль сыграло открытие законов развития общества, сделавших возможным реальный социальный прогноз» (21, с. 117).

Для того, чтобы заниматься социальными прогнозами, следует знать законы общественного развития и условия, в которых они действуют в данном обществе, специфику их проявления в тех или иных условиях. Можно знать наизусть содержание всех книг по истории, но не быть историком до тех пор, пока человек не изучит объективные законы общественного развития и не научится пользоваться на практике полученными знаниями.

Рассматривая проблему исторического времени, следует заметить, что и в истории, как и в естествознании, ряд исследователей связывает время с движением, процессами. Речь идет, прежде всего, об исследователях, которые связывали или связывают время с событиями. Например, о Ф. Броделе, который писал, что время можно измерять событиями. Он же отмечал, что, «с одной стороны, время

можно измерять событиями, с другой — событие само измеряется астрономическим временем («битва длилась до захода солнца» (22, с. 119).

И.М. Савельева и А.В. Полетаев пишут: «Роль события как исходного элемента исторического времени связана, прежде всего, с датировкой. Сама природа события такова, что событийная история привязана к хронологии. Именно хронология задает рамки, в которых располагаются происшествия, из которых и отбираются события. На оси времени откладываются события — собственно, ничего другого там и нет» (23, с. 151).

В этой связи заметим, во-первых, что, как уже было сказано, каждое историческое событие, каждый исторический процесс (каждое событие — процесс) в результате последовательной смены его качественно новых состояний образует собственное время.

Во-вторых, нельзя согласиться с утверждением — «сама природа события такова, что событийная история привязана к хронологии». Скорее всего, хронология привязана к событиям, поскольку она придумана человеком для того, чтобы реальные исторические события можно было расположить на условной временной оси, каковой является хронология.

Под углом высказанной нами точки зрения следует рассматривать и следующее высказывание тех же авторов: «Проще говоря, датировка как маркировка времени означает, что, когда нас спрашивают, что происходило в таком-то году, мы называем некие события, придавая этому времени определенные качественные характеристики. В свою очередь, датировка как

темпоральная организация истории означает, что при ответе на вопрос о каком-либо событии мы прежде всего называем время, когда оно произошло, тем самым помещая это событие в общую историческую канву» (24, с. 151).

При ответе на вопрос о каком-либо событии мы, прежде всего, действительно называем время, когда оно произошло. Однако время, которое мы называем, является постулированным временем. В этой связи постулированным является и так называемая общая историческая канва, в которую помещаем событие.

И, по мнению Г. Зиммеля: «Мы помещаем событие в объективно протекающее время не для того, чтобы оно соучаствовало в его протяженности, но для того, чтобы каждое событие получило соотносимое с другими местоположение» (25, с. 524). В этой связи подчеркнем еще, что объективно протекающее время образуют сами события, сами исторические процессы (точнее, они образовывали время, когда еще существовали как таковые). Другое дело, что мы должны расположить событие на условной временной оси для того, чтобы оно получило соотносимое с другими событиями местоположение.

Когда исследователи овладеют объективно-реальным, функциональным историческим временем и начнут учитывать фактор этого времени, более достоверной станет прошлая история, уроки которой будут использоваться эффективней, а на этой основе точнее станет прогноз на будущее. В связи со сказанным можно сослаться на К. Ясперса, который писал: «Прошлое содержится в нашей памяти лишь от-

рывками, будущее темно. Лишь настоящее могло бы быть озарено светом. Ведь мы полностью в нем. Однако именно оно оказывается непроницаемым, ибо ясным оно было бы лишь при полном знании прошлого, которое служит ему основой, и будущего, которое таит его в себе» (26, с. 141).

И.М. Савельева, А.В. Полетаев пишут: «События, следующие одно за другим, образуют временной ряд, который не является простой совокупностью несвязанных событий. Историческое мышление как раз и основывается на предположении (или априорном принципе, как сказали бы Кант и Фихте) о существовании внутренних, или необходимых, связей между событиями во временном ряду, так что одно событие необходимо ведет к другому, и поэтому возможно вести исследование от настоящего к прошлому» (27, с. 153).

События, следующие друг за другом, действительно образуют временной ряд объективно-реального, функционального времени. Однако этот временной ряд только для удобства исчисляется часами, днями, месяцами, годами и т. д., то есть единицами постулированного, условного астрономического времени.

Исследователи связывают события и со структурированием исторического времени. По их мнению, событие — это разрыв исторического времени, перерыв в постепенности. Так, Т. Карлейл писал: «Вещь, событие, о которой или о котором говорят или что-то написано, не есть ли во всех случаях своего рода срыв, своего рода нарушение непрерывности? — Ведь даже когда происходит какое-то радостное событие, оно все-таки

несет с собой изменение, несет с собой убыток... — и так было всегда, и раньше, и теперь, — оно несет с собой нерегулярность...» (28, с. 25).

Вещи и события действительно конечны, но они не являются перерывом или разрывом в непрерывном историческом времени, поскольку объективно-реальное, функциональное время образуется конечными событиями, а потому всегда конечно.

Следует еще раз сказать, что, поскольку время несубстанционально, характер исторических процессов зависит от характера материальных процессов. Именно они непосредственно отражаются на характере жизнедеятельности человека. Человек и орудия труда и войны, которыми пользуется в своей деятельности, остаются материальными объектами независимо от социально-политического строя, господствующего в данном обществе. Пусть люди становятся более сознательными, более опытными, а орудия труда и войны более совершенными, — и те, и другие не перестают быть из-за этого материальными объектами. Вместе с тем в результате указанных изменений, происходящих в данном обществе, в социальной жизни людей имеют место качественные, а порой коренные качественные изменения.

Именно указанного рода изменения образуют социальное, историческое время, заставляют учитывать себя, помогают предвидеть возможные последствия поведения человека в каждом акте его деятельности. Со временем, безусловно, меняется характер любых процессов, но не потому, что на них воздействует время как таковое, само

по себе, а в связи с тем, что потенциальные возможности данных процессов и их взаимодействие за более длительный период времени ведут к более глубоким изменениям. В конечном счете, эти изменения ведут к прекращению одних процессов и возникновению других, последующих процессов. Причем, если несубстанциональное время предыдущих процессов заканчивается, прекращается навсегда, безвозвратно, то новые, точнее последующие процессы, имеющие субстанциональное материальное содержание, начинают образовывать свои новые собственные временные длительности. Таким образом, время зависит от процессов, оно является функцией образующих его процессов, а не наоборот. Другое дело, что нельзя научиться успешно управлять социальными процессами, не зная природы социального времени, не исследуя его.

Поскольку мы рассматриваем проблему исторического, социального времени, следует заметить также, что какая-то часть общества может противодействовать, осознанно или неосознанно, действию объективных законов общественного развития, усугубляя тем самым трудности, которые и без того всегда имеют место в каждом обществе. В результате этого противодействия также возникают процессы, которые образуют свое собственное время, поскольку время образуют не только прогрессивные, но и деструктивные процессы.

Для того, чтобы заниматься социальными прогнозами, следует знать законы общественного развития и условия, в которых они действуют в данном обществе, специфику их проявления в тех

или иных условиях. Попытки ввести законы указами, для которых в обществе отсутствуют соответствующие условия, могут привести к катаклизмам.

Следует еще раз подчеркнуть, что, как в природе, так и в обществе все совершается в настоящем. Но если в природе действуют стихийные силы (не в смысле случайные, а действующие без сознательного вмешательства), то в обществе, если действовать разумно, опираясь на науку и данные практики, можно благотворно влиять на действие управляющих его жизнью законов. И, наоборот, усугублять трудности, переживаемые членами общества, если пытаться управлять обществом волюнтаристскими методами, игнорируя закономерные связи, существующие не только в природе, но и в обществе.

Прошлого уже нет, будущего еще нет. Есть только настоящее — не некоторое единое настоящее для всех историчес-

ких событий и явлений, а настоящее каждого существующего в реальной действительности события. В этой связи нельзя не согласиться со следующим суждением: «Чтобы будущее стало таким, каким мы хотим его видеть, надо осмысленно и целенаправленно изменять настоящее» (29. с. 117).

Еще раз подчеркнем, что для успешного созидания в реальном настоящем и ускоренного продвижения в условном будущем, необходимо использовать предшествующий опыт. Причем, не в неизменном виде, поскольку со временем изменяются сами люди, условия их жизни, окружающая их среда, а с учетом сегодняшних реалий, сознательно и целенаправленно (а не по принципу «куда кривая выведет»), создавая возможности для перехода к лучшему будущему, которое будет ни чем иным, как последующим настоящим.

---

1. Тишков В.А. Восприятие времени // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября, 2001 год. Тезисы докладов. М., 2001.

2. Лолаев Т.П. Время: новые подходы к старой проблеме. Орджоникидзе, 1989; Он же. Время в истории. Владикавказ, 1992; Он же. Функциональная концепция времени, Владикавказ, 1994; Он же. Функциональная концепция времени // Концепции современного естествознания: философское осмысление. Москва–Владикавказ, 2003 и др.

3. Ярская В.Н. Время в эволюции культуры (философские очерки). Саратов, 1989.

4. Яковлев В.П. Социальное время. Ростов-на-Дону, 1980.

5. Яковлев В.П. Указ соч.

6. Яковлев В.П. Указ соч.

7. Ярская В.Н. Время в эволюции культуры. Саратов, 1989.

8. Яковлев В.П. Указ. соч.

9. См.: Жаров А.М. Проблема времени. Структура становления и неопределенность // Вопросы философии, 1980. №1.

10. Тишков В.А. Восприятие времени // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября, 2001 год. Тезисы докладов. М., 2001.

11. Lippincott H.H. Eternal Life. «The Personalist» (Los Angeles), 1960, vol. 41, №1.

12. Ярская В.Н. Указ. соч.

13. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

14. Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч.

15. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

16. Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч.
17. Ярская В.Н. Указ. соч.
18. Арутюнов С.А. Этнография и время // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20-23 сентября, 2001 год. Тезисы докладов. М., 2001.
19. Артемов В.А. Социальное время: Проблема изучения и использования. Новосибирск, 1987.
20. Гобозов И.А. Введение в философию истории. М., 1993.
21. Подольный Р.Г. Освоение времени. М., 1989.
22. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977.
23. Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч.
24. Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч.
25. Зиммель Г. Избранное в 2-х т. М., 1996. Т.1.
26. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
27. Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч.
28. Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991.
29. Подольный Р.Г. Указ. соч.